

Курбачёва О. В. Проблема толерантности в условиях миграционного процесса.

На рубеже XX-XXI века под влиянием интенсивного взаимодействия культур и открытого глобализационного пространства, понятие «толерантность» приобретает акцентированную социокультурную и политическую оценку. Всплеск миграционного процесса, ориентация на мультикультурную политику смещают акценты с психологической установки личности на общественно-политические лозунги о необходимости добровольного согласия на взаимную терпимость. Конечно, внутренняя регламентация поведения, основанная на уважительном отношении к Другому не перестает быть значимой. Однако акценты ставятся уже не на морально-психологических механизмах самоконтроля личности (хотя они и не исключаются), а на внешней целесообразности, объясняемой через закон, традицию или установку на толерантность как общественную норму, способную предотвратить конфликтные ситуации и позволить выстраивать взаимоуважительные отношения с другими. Эта установка на толерантность как общую культурную ценность и формирование уважительного отношения к другой культуре, безусловно, носит важную консолидирующую роль в развитии общества, но является весьма уязвимой. В первую очередь, уязвимость проявляется в том, что толерантность как ценность зачастую носит искусственно конструируемый характер. Терпеливое отношение к Другому прививается в обществе как нечто ценностное и необходимое, используемое как инструмент в социокультурном проектировании: в предотвращении конфликтов, противодействии экстремизму или преодолении ксенофобии в целом. Но именно эта инструментальность толерантности, ее императивность и понимание «как всеобщий человеческий долг» становятся основанием для обратной реакции в обществе. Для того, чтобы более детально и предметно разобраться в проблемах толерантности в условиях открытого глобализационного пространства, в первую очередь, необходимо остановиться на понимании самого феномена «толерантность».

Термин «толерантность», фиксирующий необходимое уважительное отношение к другому, нельзя понимать и принимать в одной плоскости. Под толерантностью, буквально означающей «тер-

пеливость, добровольное перенесение страданий» [7] может быть прочитано и безразличие, и снисходительное согласие, и молчаливое попустительство. Интерпретация понятия обусловлена социокультурным контекстом определенного исторического этапа развития общества, культурной традицией, уровнем развития самого общества и другими факторами, оттеняющими смысловое пространство понятия. Если обратиться к этимологии слова, то в переводе с латинского «tolerans», «tolerantis» термин буквально читается как «терпеливо переносящий» [1, с.241]. В английской транскрипции слово «толерантность» обретает дополнительный смысл – страдать, претерпевать, «способность без протеста воспринимать личность или вещь» [7]. А в переводе с французского (tolerat) появляется такое понимание, как «терпимый, снисходительный» [2]. Даже на уровне перевода обнаруживается полисемантическая термина и наличие различных оттенков интерпретации. В последней трети XX века термин активно используется в русскоязычной литературе. Однако об однозначной концептуализации понятия сегодня говорить ещё рано. Синонимичный ряд в понимании толерантности является далеко не условным и несет в себе значительные содержательные вариации в толковании. Смысловое пространство понятия толерантность является пусть не открытым, но вариативным. С одной стороны, это расширяет концептуально-теоретическое осмысление понятия, но с другой стороны затрудняет задачу конструирования четких семантических границ понятия толерантности и осознания его на данном этапе социокультурного развития. При этом важно отметить, что само понятие не представляет собой некий абстрактный этический идеал, а несет в себе достаточно определенную коннотацию в рамках диалоговой практики: терпеливое отношение к Другому. Хотя само понимание терпеливого, его границы и основания являются далеко не очевидным явлением.

В первую очередь, важно выделить различные проявления толерантности: толерантность как терпимость, предполагающая наличие внутреннего напряжения, усилие над собой, направленное на сдерживание собственных негативных проявлений по отношению к Другому и толерантность как принятие – сознательное принятие различий, признание универсальных прав и свобод человека. Однако вне зависимости от того, как мы реализуем и формируем принцип толерантности, границы допустимого отношения к Другому не

должны зависеть от политического, социально-экономического или расового критерия, так как это возвращает нас на столетия назад в социальном и культурном развитии. Толерантность не должна быть навязанной извне, она возможна только как пространство свободного и осознанного выбора. Важно интегрировать и морально-психологический аспект, и морально-политический контекст проявления толерантности, не вычлняя из этой связки ни одного из элементов. Каждая из обозначенных сфер – психологическая и социально-политическая сфера проявления и формирования толерантности как таковой, является сдерживающим механизмом друг для друга и основанием для добровольного согласия на взаимную терпимость [5]. Ведь толерантность всегда связана с практикой диалога, субъектом которого может выступать как отдельная взятая личность, так социокультурная общность. И только в синтезе и взаимодополняемости внутренней регламентации и общей установки на признание инаковости как культурной нормы возможно формирование добровольного согласия на терпимость. Внутренняя регламентация человека предохраняет от искусственного и внешнего навязывания терпимости как конструкта. С другой стороны, морально-политический аспект проявления толерантности, её внешняя регламентация служит гарантией и основанием для ожидания от другого тождественной реакции.

Важным шагом в понимании природы толерантности и возможностей её осуществления, с одной стороны, как внутренней личной установки и, с другой, как значимой культурной ценности является анализ семантического поля понятия толерантности. Историко-философский экскурс подтверждает о наличии различных акцентов в интерпретации толерантности, её вариативности и социокультурной ангажированности. Сейчас важно остановиться на непосредственном содержательном контексте его вариациях. Герменевтический анализ некоторых публикаций и общественно-политических лозунгов, посвященных теме толерантности дает нам возможность увидеть «многослойность» используемого термина. Важно дифференцировать сами основания для толерантности. В. А. Лекторский в своей известной статье «О толерантности, плюрализме и критицизме» предлагает возможные способы понимания толерантности: как безразличие, снисхождение, невозможность взаимопонимания, расширение собственного опыта и критический идеал [4, с.50].

Анализируя различные основания толерантного отношения к Другому, автор подчеркивает необходимость «видеть в иной позиции, в другой системе ценностей, в чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур, других ценностей и интеллектуальных систем отсчёта» [4, с. 53].

Особенно остро проблема толерантности звучит в условиях форсированного миграционного процесса. Выходящий за пределы возможного контроля, миграционный поток обнажает антиномичный характер толерантности. Заявленная открытость к Другому в реальной практике, когда Другой выступает не абстрактной фигурой, а конкретным мигрантом, сменяется безразличием или пассивным дистанцированием от него. Миграционный процесс выступает определенным вызовом для толерантности: теоретические размышления о толерантном не всегда находят своё отражение в непосредственной практической реализации нравственного поведения. Например, одной из распространенных миграционных практик является конструирование собственного закрытого локального пространства внутри доминирующей культуры и нежелание выходить за пределы правил установленных данной субкультурой. Такой формат аккультурации можно обозначить как сепарацию, в соответствии с которой мигранты осознанно проводят демаркацию между принимающей стороной и собственной культурой, отрицая значимость первой и подчеркивая важность последней [6, с. 187]. Безусловно, это приводит и к латентным, и к открытым конфликтам со стороны доминирующей культуры и субкультуры. Эти конфликты могут выражаться в формате бытового шовинизма на уровне фобий, предрассудков, конкретной дискриминации, классового расщепления общества (мигранты занимают нишу низкооплачиваемого труда) и даже экстремизма. Степень проявления ксенофобии во многом зависит от нарастающего «комплекса социальных обид» со стороны культуры-реципиента и культуры-донора [3, с. 126]. Сегодня «комплекс обид» чаще всего проявляется в виде стереотипов массового сознания, связанных с мифами и фобиями цыган, азербайджанцев, армян и арабов и других народов.

Какова же причина нежелания или невозможности интегрироваться в новое пространство? Зачастую мигранты рассматриваются

со стороны населения культуры-реципиента как источник возможного ущерба или уязвимости в социальной и культурной сфере. С другой стороны, мигрант, переживая социокультурный и психологический шок при смене привычной среды, пытается психологически защитить себя привычными и известными ему ценностями, практиками поведения и нормами. Отсюда объясняется актуализация этнической, гражданской или конфессиональной идентичности. Теоретически данные стороны идентичности должны быть представлены в едином непротиворечивом комплексе. Однако на практике встречается ряд вопросов, среди которых наиболее важный – несовпадение сторон идентичностей: гражданской, этнической и конфессиональной. Если векторы идентичности не противоречат друг другу и направлены в одну сторону, то возможная перспектива непонимания и неприятия не так явно себя обнаруживает. Однако нарушение целостности идентичности, её размерности может послужить причиной эскалации конфликтов, как внутренних, так и внешних. При изменении места жительства или негативной форме идентичности гражданское или этническое самосознание может быть незначительным и выражаться в минимальной форме, мигрант компенсирует этот дисбаланс акцентированной формой конфессионального выбора. Это зачастую обусловлено выбором что сильнее, масштабнее и способно выступить гарантом моей идентичности. Представитель любого этнического меньшинства при негативной ассоциации с этнической идентичностью или при недостаточной включенности в новое культурное пространство может компенсировать этническую или гражданскую изолированность посредством религии: быть мусульманином или христианином становится жизненно важным, чтобы не потерять себя в чужом мире. Когда религиозный вопрос не играет важную роль для мигранта, конфессиональная идентичность совпадает или представляет незначительную силу, не обладает авторитетом в обществе – артикулируется одна из двух других сторон: гражданская или этническая. Важно отметить, что выбор идентичности мигранта всегда погружен в определенный исторический, геополитический и культурный контекст и зачастую именно контекст определяет приоритеты. И здесь вновь актуализируется индивидуальная форма идентичности: позитивная или негативная. Но в контексте процесса транскультурации и преодоления традиционных границ государства в условиях глобализации граж-

данская идентичность выражена менее активно, чем этническая или конфессиональная. Актуализация этнокультурной идентичности может быть связана с протекционистскими стремлениями «защитить» свою культуру от размывания в глобализационном потоке культур, обозначить свои границы. А конфессиональный маркер идентичности, как уже было обозначено, является наиболее сильным и авторитетным инструментом, формирующим устойчивую, психологически комфортную зону самокатегоризации.

Именно в контексте глобализационной установки на транскультурное сближение традиций, культурных ценностей толерантность может быть представлена именно как «право на различие». Ведь толерантность, безусловно, не врожденное, а приобретенное, воспитываемое чувство и способ отношения к миру и Другому. А как только мы признаем «право на различие», мы допускаем возможность иного опыта, иных ценностей, отличающихся от моих убеждений и не вписывающихся в привычные для меня стандарты понимания. При сближении культур и их сосуществовании в одном жизненном пространстве важно осознавать, что абсолютное понимание иных, чуждых для меня ценностей или мировоззренческих установок невозможно и не требуется. Другая культура всегда сохранит в себе определенную закрытость для меня. Это может проявляться в мифах, стереотипах, языке, традициях. При этом важно не оценивать другую культуру исходя из сугубо локальных эстетических и моральных критерий. Чужая культура не хуже и не лучше, чем собственная, она всегда иная. Однако это не означает, что невозможен диалог между различными культурами и ценностями. Толерантность выступает именно условием межкультурного диалога, но для того, чтобы диалог был не внешним и механическим, он должен быть критическим. Критический диалог – это одновременно уважение к другой и собственной культуре, а также конструктивная критичность к собственной и чужой позиции. Именно толерантность становится основанием для критического диалога: я признаю и уважаю право на различие Другого и ожидаю обратное признание. Вступая в диалог, любой его субъект должен быть готов к изменению. Гарантией полноценного диалога может выступить только уверенность том, что и другой субъект диалога готов и способен сделать ответный шаг навстречу изменению. А это, в свою очередь, возможно, когда толерантность становится не только индиви-

дуально-значимой категорией, но социально-политической феноменом. А для того, чтобы не было различий между сферой «сущего» и сферой «должного» важно не культивировать толерантность как некий нравственный идеал.

Литература:

1. Бачинин, В.А. Толерантность //Этика: энциклопедический словарь. – М., 2005.
2. Большой французско-русский и русско-французский словарь // Толерантность [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru> – дата доступа: 03.01.2017.
3. Гудков, Л.Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. - М., 2002. – С. 124-147
4. Лекторский, В.А. О толерантности, плюрализме и критicisme // Вопросы философии – 1997, №11. – С.46-54.
5. Тишков, В.А. О природе толерантности и нетерпимости.[электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2> – Дата доступа: 05.01.2017.
6. Berry J. W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies. // Applied Psychology, 38, 1999. – P. 185-206.
7. Oxford English Dictionary // Толерантность [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/ru> – дата доступа: 03.01.2017.

Петренко В. О. Индустриальные парки как форма интеграции науки и экономики: задачи и проблемы создания

Большинство национальных экономик продолжают искать пути оптимизации существующей модели. Современные условия требуют привлечения инвестиций, технологий, ресурсов, идей.

Мировой опыт свидетельствует, что инвестирование в инновационную деятельность является наиболее перспективным видом вложения средств. Инновационная деятельность, по мнению многих исследователей, состоит из трех основных составляющих: научной деятельности; работы по доведению завершенных научно-исследовательских и опытно-конструкторских и технологических